Приемыхов Валерий 29.05.96

МОЯ ГАЗЕТА
◆ № 19 (069) ◆ 1996
ВОСЬМАЯ СТРАНИЦА

Моск. правда. – 1996 – 29 мая. – с. 16

Портрет

Был такой факт в биографии Валерия Приемыхова: после окончания школы много мотался он по стране, переезжал с места на место, работал каменщиком, слесарем, дворником, кочегаром... Но это только штрих – кто по молодости не чудил? По образованию же Валерий Михайлович кинодраматург: окончил Дальневосточный институт искусств, затем – ВГИК, написал два десятка киносценариев – "Милый, дорогой, любимый, единственный", "Миг удачи", "Взломщик", "Штаны", много и успешно работал с Динарой Асановой... Впрочем, зрители редко читают титры на экране, поэтому Приемыхов куда более известен не как сценарист или режиссер, а как актер – "Пацаны", "Холодное лето пятьдесят третьего...", "Слава Богу, не в Америке", "Мигранты". Две первых роли, к слову, были отмечены Государственными премиями СССР...

Андрей ВАНДЕНКО

ПЕРЕКВАЛИФИЦИРОВАВШИЙСЯ ДВОРНИК ВАЛЕРИЙ ПРИЕМЫХОВ

— Признаюсь: приходилось интервью брать в разных местах, но такого, чтобы встречу назначали в церкви, со мной еще не случалось...

— Так ведь сегодня праздник — Вознесение Господне, поэтому я пришел в храм Софии Премудрости Божьей, куда и вас пригласил.

— Вы все религиозные праздники отмечаете, посты блюдете?

— Стараюсь. Крестился я поздно — в 33 года от роду — и по сей день не считаю себя примерным верующим, хотя стремлюсь к этому. Профессия мешает. Вы же знаете: церковь долгое время считала актерское ремесло бесовским промыслом. В какой-то момент артистов даже было запрещено хоронить на кладбищах. Сегодня отношение к лицедеям, безусловно, иное, но факт, что актерство — сложное, небесспорное занятие. Я согласен с мыслью, что при добросовестном подходе к этой профессии человек рискует рано или поздно потерять себя, раствориться в своих героях. Помните замечательный рассказ Рея Брэдбери о мальчике-инопланетянине, способном превращаться в того, кого в нем хотели видеть? В результате бесчисленных трансформаций бедняга просто исчез. Главное — всегда сохранить свое лицо.

— У вас есть основания для беспокойства на сей счет?

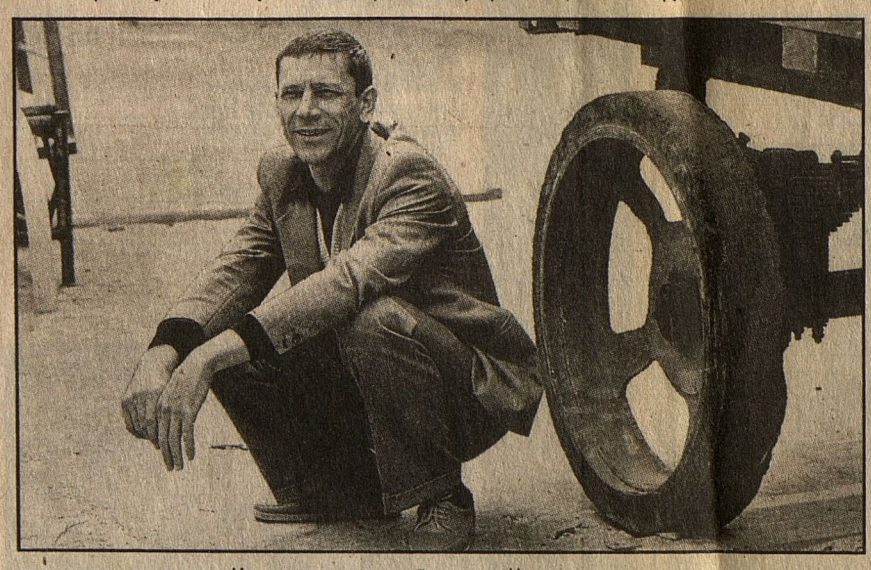
— Нет. Провинциальная закалка дает о себе знать. Я не был воспитан в актерской семье, не ел на серебре и фарфоре, мой отец долгое время работал на железной дороге, потом в лесу. Полустанки, провинциальные городки на десять тысяч жителей — это не только мое детство, но и закваска на всю жизнь. В каждом из нас многое определяется местом рождения. Например, для меня совершенно очевидно, что москвичи — это отдельные русские. Мой калужский дядька отличается от московского так, словно они живут на разных континентах. Но это не только к москвичам относится. Калужская тетка о соседях с Брянщины говорит тоном, будто речь идет о неграх. И это, кстати, хорошо. Леонтьев, философ, называл это многообразие внутри одной нации цветущей сложностью: пока общество столь пестро, оно цветет. В противном случае грозит увядание. По этой причине, к слову, русские мыслители и противились напору на Россию западной цивилизации, способной нивелировать все самобытное, индивидуальное в культуре народа. Чем одинаковее мы станем, тем скучнее будет наша жизнь.

— Пока, по-моему, скука всем нам не грозит.

— Да, Россия — самая веселая страна в мире. Это даже по глазам наших людей видно. Помню, приехал в Эстонию. Местная девушка мне говорит: "Внешне вы очень похожи на прибалта". Спрашиваю: "Неужели спутать можно?" Отвечает: "Нет, у вас взгляд другой".

...Хотя, конечно, наше веселье не от сладкой жизни идет — это правда.

Знаете, стал замечать, что все чаще вспоминаю прежние времена. Не скажу, что грущу о прошлом, но... И это при том, что я всегда жил, как при капитализме: поскольку в штате киностудий никогда не состоял, то и существовал только на те средства, которые выручал от продажи сценариев. Когда получал пять тысяч рублей гонорара, ощущал себя очень богатым, а порой и зубы на полку клал, если фильм



неожиданно закрывали. И все же в тогдашней работе была своя прелесть и логика, я наслаждался тем, что делаю. Для меня заколачивание денег и творчество никогда не являлись синонимичными понятиями. Александр Зиновьев, автор "Зияющих вершин", пишет, что для западного человека работа — это проклятье. Все устремления — побыстрее отбыть повинность и отдохнуть в свободное время. Для нас же работа — чуть ли не главное, ради чего стоит жить.

Так было. Сегодня — иначе. У меня, по сути, пытаются отнять профессию, а значит, лишить жизнь смысла. Меня не устраивает ситуация, когда я вынужден работать только ради куска хлеба. Да и кусок не всегда гарантирован. Раньше договор был законом, сейчас любой может тебя обмишулить. Я, как тот шахтер: уголек-то он нарубил, но заплатят ли ему — большой вопрос. К слову, на частного продюсера работать отнюдь не легче, чем на прежнего госчиновника. Нынешние толстосумы стоят старых аппаратчиков — дури в них не меньше.

— Уж не ратуете ли вы за возврат к власти коммунистов, чтобы те заодно вернули и вам утраченный смысл существования?

— Не стал бы это утверждать. Но, с другой стороны, могу сказать, что Ельцина на выборах точно не буду поддерживать.

— И чем же вам так не люб Борис Николаевич?

— Власть существует не для того, чтобы ее любили, поэтому речь не о симпатиях или антипатиях.

Когда Ельцин пришел в Кремль, все было в его руках. Вспомните: страна сдала коммунистов сразу, безоговорочно. Партию официально запретили, судить собирались, и никто даже не пикнул. Более того, называться коммунистом стало неудобно, стыдно! Это, как в Америке, где всерьез ведут борьбу с курением. Там тебя никто особенно не убеждает, но тебе быстро дают понять, что серьезный человек обязан избавиться от вредной привычки. Я это на себе испытывал: на меня, курящего сигарету за сигаретой, смотрели так, словно на моих брюках ширинка расстегнута или будто я на званом приеме пью портвейн "Аджария" из горла.

Человек должен заниматься делом, которому ему научили, а не хвататься за все, что попало, лишь бы выбиться наверх. Одна из самых больших наших сегодняшних бед — воинствующее дилетанство и столь же агрессивный цинизм. Было время, когда я мечтал стать журналистом. Сейчас молю Бога за то, что он удержал меня от этого шага. Поганая у вас профессия, поганая. Раньше хоть какие-то принципы морали существовали, сейчас и этого не осталось. Помню, много лет назад (еще Динара Асанова была жива) мне позвонил автор одной уважаемой газеты и сказал: "Я написал о вас плохую статью, но это задание редакции. Если бы писал не я, было бы еще хуже". У человека хватило совести хотя бы в такой форме извиниться. А сегодня за деньги любого обольют помоями и при этом станут делать вид, что это вовсе не заказ, а плод убеждений. Говори честно: "Меня купили, я отрабатываю полученное, делая все то, что прикажет хозяин". Нет, врут в глаза, полагая, что кругом сплошные недоумки. Беспредел! Я гражданин своей страны и поэтому хочу жить в правовом государстве. Кажется, мои желания не совпадают с планами нынешнего руководства России.

— Ну да: придут коммунисты и наведут порядок по образцу 37-го года. Вопрос в том, все ли доживут до холодного лета 53-го?

— В апологеты Зюганова меня записывать не надо, не надо! Я же говорю не о том, что КПРФ хорошая, а что демократические вожди образца 1991 года с работой не справляются. Если же вести речь о коммунистах, их большим просчетом я считаю то, что идеологией в партии всегда занимались наиболее слабые, бездарные люди. Возьмите, скажем, прораба перестройки академика Александра Яковлева. В моем понимании, это сущее ничтожество.

— Зачем уж так?

— А что? Даже Троцкий писал лучше, хотя тоже был достаточно глупый человек...

Да что мы все о политике? Грустная тема. Нет в том, что в нашей стране сейчас происходит, эстетического качества. В жизни и так достаточно проблем: зимой холодно, летом жарко, потолок протекает, с женой поссорился, машина сломалась, словом, полный компот. А тут еще политика! Надо же было такой напасти обрушиться на нас. Вся страна не работает, не учится, а только тем и занимается, что в политику играет. Весь народ поголовно! Я недавно даже не выдержал в одной компании, встал из-за стола, плюнул и домой ушел, когда в очередной раз вместо нормальной беседы принялись обсуждать достоинства и недостатки кандидатов в президенты. Это уже напоминает какой-то массовый психоз. Припоминаю, как-то захожу в Союз кинематографистов, смотрю: все ходят чернее ночи. Думаю: может, принят указ, запрещающий кино снимать? Нет, оказывается, Жириновский на выборах набрал сколько-то процентов. Бог ты мой, какая трагедия? На меня начинают махать руками: что ты, фашизм грядет! Проходит время, Жириновского оставили в покое, но на горизонте новая трагедия: Ельцин снимает Гайдара, значит, неизбежен откат к старому, авторитаризм, диктатура и прочая дребедень. Кричат мне: мы пропали! Я только плечами пожимаю. Еще год пролетает. Кинодеятели по свежему поводу убиваются: выясняется, что Гайдар — это говно, а Черномырдин — настоящий хозяйственник, и теперь его нельзя отдать на съедение врагам. Последний истерический вопль: не пропустим Зюганова!

Смешно мне смотреть на эти интеллигентские истерики.

— Говорите таким тоном, словно вы подобным импульсивным проявлениям не подвержены.

— Во всяком случае, не по таким поводам. Я к интеллигенции всегда подозрительно относился. Почему мы не слышим академика Раушенбаха, Сашу Панченко? Это настоящие интеллектуалы, люди, которым надо давать трибуну. А вместо них кликушествуют какие-то сомнительные личности.

Вы знаете, что слово "интеллигенция" существует только в русском языке? Во всем мире ценят интеллект, а мы каких-то мифических интеллигентов. Кто они, что они? Это слово придумал бездарный писатель Боборыкин, я даже его имени не знаю. Подумайте: Боборыкину принадлежит неологизм "интеллигенция", а великий Федор Михайлович Достоевский обогатил русский язык словом "стушеваться" и очень гордился этим. Есть разница?

— Ох, не жалуете вы интеллигенцию.

— Не за что. К счастью, я на интеллигента мало похож. Только очками. Но очки ведь снять можно, верно?

— Нелюбовь к московской тусовке — это, наверное, от нездешнего происхождения. В родных местах на Дальнем Востоке часто бываете?

— Езжу. У меня ведь родители там остались. Но я уже там чужой. Правда, и в Москве своим не стал. Такова судьба всех переселенцев. Винить за это некого, кроме себя. Да я в принципе не люблю на других вину перекладывать. Тем более что на бытовом уровне сегодня жизнь действительно стала красивее. Я, например, пиво очень люблю. Его теперь — хоть залейся, любое — импортное, российское. И масло с прилавков магазинов давно не пропадает... С другой стороны, ощущение жизни пивом, согласитесь, не заменишь.

Нет, я не идеализирую прошлое. Однако, с другой стороны, я признателен перестройке хотя бы за то, что сегодня у меня нет необходимости перечитывать тома Солженицына, Милюкова, Керенского, Деникина, Врангеля. По происходящему сегодня я могу безошибочно судить о том, как произошла революция в 1917 году. Я смотрю на нашу действительность и вижу, как все было раньше. Убейте меня, но Керенский — это чистый Горбачев. Читаю воспоминания Александра Федоровича (кажется, книга называется "Между двумя революциями"), где несколько страниц отведено подробнейшим описаниям нарядов, в которых Керенский дефилировал перед толпой, и живо представляю Михаила Сергеевича — и для него произведенный на окружающих эффект был дороже дела.

— Какие еще исторические параллели вам напрашиваются?

— Сейчас о Смуте читаю. Лжедмитрия тоже ведь можно считать крупным перестройщиком, хитростью и коварством он добился того, чего иные не могли сделать силой оружия. Ведь на самом деле никого Лжедмитрий не побеждал. Его успех определили переметнувшие, предатели. Это тогда называлось перелеты. Кстати, и у Деникина есть печальная фраза: "А перелеты уже седлали своих лошадей". Понимаете? Погоду делают перелеты, иначе говоря, перебежчики, люди без принципов и убеждений. Вчера служили одному, сегодня продались другому...

— Куда, по-вашему, держат путь современные перелеты?

— Вы же видите: пять лет назад человек сидел в кресле секретаря райкома партии, потом стал ярым поборником демократии, завтра готов стряхнуть пыль с партбилета и снова назваться коммунистом...

Терпеть не могу людей, меняющих принципы не по убеждению, а в зависимости от ситуации. К сожалению, объектов для нетерпения вокруг хватает. Как по мне, так пусть лучше будет тупой, но верный. Многие проблемы в жизни идут от неумех и неудачников. Как-то я был в Америке по приглашению некого Димы Ганапольского: ездил показывать свою картину нашей эмигрантской публике. В разговорах Дима представлялся крутым диссидентом, борцом с коммунистическим режимом. Стал я разбираться. Оказывается, в свое время из-за еврейского происхождения Диму не приняли в КПСС. Ганапольский подал заявление на выезд, обвинив всех в антисемитизме. Это особый талант: свои проблемы возвышать до масштабов государственных.

Я, к примеру, никогда не шел в партию, хотя, конечно же, звали. Однако мне и в голову не приходило изображать из себя героя или страдальца. Просто мне партбилет был ни к чему. По убеждениям я не считал себя коммунистом, о карьере тоже не беспокоился.

...Но, может, все-таки оставим политику? Тем более что я всегда ошибаюсь в оценках. На последних выборах голосовал за Лебедя, а сегодня он такое несет, что и слушать неловко...

Слава Богу, хватило ума не участвовать ни в одной избирательной компании, хотя звали.

— И деньги, наверное, предлагали?

— Конечно. Например, несколько лет назад меня позвали выступить по телевидению с 15-минутной речью в поддержку Ельцина. Почему-то запомнилась сумма, которую мне обещали выплатить: 37 тысяч рублей. Удивило, что именно 37, а не 40 или, скажем, 35. Я тогда еще подумал: наверное, сразу подоходный налог вычли?

— Вам трудно отказаться в таких ситуациях? Наверное, пытаетесь уйти от прямого ответа, ссылаетесь на занятость?

— Все знают, что я ни за кого агитировать не буду — ни за 37 тысяч, ни 337. Это против моих правил.

— Тем не менее, вы читаете "Правду" и "Советскую Россию". Значит, все-таки симпатизируете левым?

— Я всегда читал оппозиционную прессу — для баланса. Придут к власти коммунисты, выпишу "Комсомольскую правду" и "Известия". А сегодня мне это ни к чему. Достаточно телевидения, которое с утра до вечера пропагандирует официальную точку зрения.

Нет, видимо, мой удел всегда быть в оппозиции к любой власти. Конечно, при коммунистах я две Госпремии получил, но совесть чиста: мне их дали не за увековечивание бессмертного образа вождя мирового пролетариата.

— Неужели никогда не писали конъюнктурных сценариев, не халтурили к юбилею — кого-нибудь или чего-нибудь?

— Что скрывать? Соблазн великий таким образом подзаработать деньжат, но для этого тоже, оказывается, талант нужен. Не получается у меня левачить. Через силу не идет. Лучше уж на диету сесть, поголодать немного, пока настоящая работа не появится.

Будь у меня деньги, взялся бы за постановку "Капитанской дочки", сам бы попробовал сыграть Пугачева. Но кого сегодня заинтересует такой проект? Еще меня спрашивают, почему я не снимаю продолжения "Холодного лета". А как снимать, если на эту тему набросилась куча бездарей? Они отбили у людей желание смотреть все, что связано с периодом сталинских репрессий. Думаю, в течение ближайшего десятилетия к теме не подступиться из-за конъюнктурщиков.

— Кстати, о "Холодном лете". Одно время ходили упорные разговоры, что больно уж профессионально Приемыхов сыграл зэка...

— Нет, я никогда не сидел. Хотя мог. Мне повезло, другим — нет. Многие из моего поколения ходили по грани. Драка, нож — мальчишеские глупости. В серьезных делах я не участвовал, так, по мелочи: заберемся в какой-нибудь вагон с патокой, нажремся до тошноты, вылезем наружу липкие, противные, но гордые сознанием собственной смелости.

— Тем не менее, с уголовным миром вам приходилось сталкиваться не только на почве патоки?

— Безусловно. Но нормальным людям лучше держаться подальше от этой стороны жизни. Романтики в уголовщине гораздо меньше, чем это кажется непосвященным. Помню, как-то обратилась ко мне за советом девчушка, которой прислали письмо из колонии: ехать ей или не ехать? Смотрю я на письмо и вижу, что написано оно под копирку. Надо бы предупредить девушку, что для ее здоровья полезнее остаться дома, но за такой совет уже я поплатиться могу: выйдет на волю зэк и попишет меня ножом за то, что не в свои дела лезу. Дилемма... Такие нравы в зоне.

Кстати, замечаю, что наш бизнес все больше перенимает правила и привычки уголовного мира. Скажем, авторитет никогда не будет сразу выражать свои эмоции по поводу услышанного. Вы говорите, говорите, а он сидит с каменным лицом и молчит. Вы невольно начинаете нервничать, суетиться, а он — молчит, ставя вас в зависимое положение. Разве не так ведут себя и бизнесмены?

Или другой пример. Никогда не задумывались, почему в последние годы практически исчезла блатная песня? Субкультура растворилась в культуре, стала ее частью. Я заметил это еще в 1989 году, когда снимал фильм "Штаны". С замечательным актером Сергеем Яковлевым мы поехали в питерские "Кресты", ходили по камерам и просили спеть нам что-нибудь блатное. Не нашли ни одного человека, который мог бы это сделать. Подражание Высоцкому, Розенбауму, Галичу, Шуфутинскому, Буйнову — что угодно, но не блатная песня.

На самом деле, жалко потерянного. Это ведь был практически народный эпос. Послушайте: "У ней такая маленькая грудь и губы алые, как маки..." Как-то Эдуард Успенский затянул меня в свою телепередачу и заставил спеть перед камерой. У меня нет ни слуха, ни голоса, но, тем не менее, мне потом знакомые долго прохода не давали, поздравляли с прекрасным исполнением. Это феномен блатной песни, судьба которой, впрочем, вполне объяснима. Если сегодня кандидат в президенты говорит с экрана телевизора на подзаборном сленге, то о чем речь?

Но мы договорились к политике не возвращаться...

— Раз уж отвлеклись, может, заодно расскажете, как в дворники угодили?

— О, дворником я был хорошим, можно сказать, отличным. Это уже московский период жизни. Я учился во ВГИКе, снимал квартиру, нуждался в деньгах. Кстати, тогда был самый богатый период мой жизни: я вел театр "Белые воротнички", мел улицы за полторы ставки и получал повышенную стипендию. У меня в месяц вылетало больше двухсот рублей. Я ходил во французском костюме, мог даже шикануть и прокатиться на такси.

А дворником я работал в замечательном месте — в библиотеке Ушинского, это напротив Третьяковской галереи. Я продержался там два года, пока меня не выгнали.

— Отличных дворников обычно не выгоняют. Пьянка?

— Я этим никогда особенно не грешил. Выпить люблю и могу, однако так, чтобы уходить в крутой вираж... Кстати, пьем мы, русские, много, но плохо. Культуры нет: по стакану хряпнули и разбежались. Из-за привычки красить под забором я до сих пор неуютно чувствую себя на всяких приемах и презентациях: не хватает знакомого антуража в виде милиционера, от которого надо убегать, ругающих в спину бабок.

Но я отвлекся. С работы меня поперли из-за приятеля. Я уехал на летние каникулы и попросил товарища меня заменить. Он и налажал. Начал рассуждать: почему я должен мести именно в семь часов, а не в восемь? Я объясняю: Вова, в восемь люди уже идут на работу, а ты будешь у них перед носом метлой махать. Летом ведь практически нет работы: пять окурков убрать — вся проблема. Но дружок мой умудрился переругаться и с водопроводчиками, и с вахтершами, словом, с кем только смог. Как же: он будущий выдающийся драматург, а тут всякое говно ему указывать будет. Поругался он, а выгнали меня. Я Вовку чуть не убил, идиота. Такая квартира прекрасная была, я даже садик перед окнами разбил. А книги какие я тогда читал — Ницше, Шопенгауэра, Соловьева... Вся библиотека Ушинского была моей. Читал запоем. Я ведь вообще умненьким мальчиком слыл. После института искусств меня даже направляли в философскую аспирантуру. К счастью, не поступил...

А работа дворника, кстати, очень дисциплинирует. Мне нужно было вставать в семь утра, бежать на участок. А первый снег? У всех радость, а я думаю: если через час снег не прекратится, завтра мне горбатиться до обеда. Руководил мною строгий начальник, бывший энкавэдэшник, поэтому о халтуре не приходилось и думать. Но мне работа нравилась. Будь моя воля, я никогда бы из того дворика не ушел.

— Может, вернетесь?

— Я уже ходил туда, интересовался. Садик мой асфальтом залили, коммерческий киоск поставили. На участке другой дворник работает, справляется. Свято место, как известно, пусто не бывает...

«МОСКОВСКАЯ ПРАВДА» 29 мая 1996 года, 16-я стр.

135